УДК 81'27:342.56
ББК Ш100.621+Х71 *ГСНТИ 16.21.47* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.21*
DOI 10.26170/pl19-06-24

В. А. Маслова
Витебский гос. ун-т; Витебский филиал Международного ун-та «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь
ORCID ID: 0000-0002-9102-4440 ☑

А. А. Лавицкий
Витебский филиал Международного ун-та «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь
ORCID ID: 0000-0002-7856-0396 ☑

☑ ***E-mail:*** *mvavit@tut.by; anton_lavitski@mail.ru.*

Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов

АННОТАЦИЯ. *В статье показано, что политическая лингвистика и юрислингвистика имеют много общих черт: они олицетворяют и обслуживают власть в обществе, исследуют сходные прагмалингвистические свойства — иллокутивные и перлокутивные функции; демонстрируют проблемы с формированием терминологического поля и т. д. Политическая лингвистика изучает механизмы и условия осуществления политической коммуникации, основная ее цель — исследование многообразных взаимоотношений между субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Юрислингвистика концентрируется на трех основных направлениях: юрислингвистическая герменевтика, занимающаяся изучением юридического языка как инструментария законодательных актов и их толкования; судебное речеведение; лингвистическая (судебная, судебно-лингвистическая, лингвоправовая) экспертология. Исследовать характер власти, специфику, механизмы управления можно с помощью языка, если принять следующую гипотезу: языковая система суть подсистема государства. Неологизмы, пополняющие язык, указывают на расширение сферы политики: этот процесс демонстрируют бизнес-политика, экономическая политика, правовая политика и т. д. Курс на интегративность во всех современных науках позволяет говорить о трансфере терминов, ведущем к пластичности терминологических единиц, которые, взаимодействуя, подстраиваются друг к другу. Интегративный подход позволил различить близкие понятия права, лингвистики (лексикографических источников) и прагмалингвистики — «умысел», «намерение», «интенция» и выявить наиболее применимые в юрислингвистике — «умысел», «умышленность».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика; юрислингвистика; теория трансфера; политическая власть; судебная власть; интенция.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра дошкольного и начального образования, Витебский государственный университет; 210038, Республика Беларусь, г. Витебск, пр-т Московский, 33; кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; 210010, г. Витебск, ул. М. Шагала, 8А; e-mail: mvavit@tut.by.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; 210010, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. М. Шагала, 8А; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Маслова, В. А.* Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов / В. А. Маслова, А. А. Лавицкий // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 189-196. — DOI 10.26170/pl19-06-24.

Власть — один из ключевых феноменов, основа любого государства. Исследовать ее характер, специфику, механизмы управления можно с помощью языка, если принять следующую гипотезу: языковая система суть подсистема государства.

Язык, право и политика — это важнейшие для человека реалии. Современный язык выявляет сферу расширения политики: *бизнес-политика, экономическая политика, правовая политика* и т. д. Все они демонстрируют тенденции современной науки — синтез наук, который позволяет получить новые знания в науке, в которой уже невозможно выявить по-настоящему новое, так как давят узкие рамки традиции. К. Леви-Стросс считает необходимым объединить гуманитарное знание с естественно-научным. Ю. С. Степанов говорит о синтезе научного, философского, художественного и религиозного подходов (например, работы «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник» и др.). В последних его работах семиотика культуры отождествляется со всей наукой о человеке [Степанов 2007: 4].

Еще в середине прошлого века Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они

© Маслова В. А., Лавицкий А. А., 2019

должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1993: 237—238]. Сейчас можно констатировать, что для всей современной науки характерно новое мировоззрение — синтезирующий, интегративный, трансдисциплинарный подход, объединяющий методы и положения ряда наук. И в этом плане появление политической лингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии и других интегративных направлений, затрагивающих проблемы человека и его языкового сознания, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные, закономерно и своевременно.

Проблемами исследования языка, политики и права в отдельности и во взаимодействии занимаются политическая лингвистика и юрислингвистика. Несколько слов о них.

Политическая лингвистика — современная наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией, затрагивающая также социо- и этнологию, социальную психологию; она активно взаимодействует с целым рядом лингвистических дисциплин: социолингвистикой, функциональной, классической и современной риторикой, когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста.

Это молодая интегративная наука, которая исследует условия и механизмы политической коммуникации. Одной из важнейших задач политической коммуникации является информационное и эмоциональное воздействие на адресата с целью изменить его политическое видение мира и подтолкнуть его к политическим действиям.

Для политической лингвистики характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек как точка отсчета для исследования языковых явлений), лингвистический экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение) [Чудинов 2009: 6—8].

Основная цель политической лингвистики — исследование многообразных взаимоотношений между субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности [Чудинов 2014: 269—270].

Теоретические и прикладные задачи научно-исследовательского поля современной политической лингвистики ориентированы на решение ряда проблем, касающихся общих вопросов дискурса (отличия политической коммуникации от других видов речевого взаимодействия), генристики (описание различных жанров политического текста), функциональной лингвистики и др. Данная научная отрасль активно обращается к изучению и описанию речевых портретов политических деятелей, включая прагмалингвистические особенности речи (стратегии, тактики), лингвостилистические характеристики (тропы, композиции).

В рамках политической лингвистики было установлено, что язык политического дискурса — сложная, живая, саморегулирующаяся система, многое в которой проявляется при ее функционировании: например, *страна* и *государство* в обыденном языке чаще всего используются как синонимы. Но в политическом дискурсе *государство* приобретает то положительные, то отрицательные коннотации: *Мы за правовое государство* (лозунг) — положительная коннотация и отрицательная (в ироническом публицистическом контексте): *Скажу вам истину одну, / Хоть сил она и не придаст вам: / Любую чудную страну / Испортить можно государством* (А. Михневич) [Маслова 2008: 46].

Политическая лингвистика довольно тесно связана с юрислингвистикой: уже их названия показывают, что ядром обеих наук является лингвистика, независимо от той области, которая названа второй частью термина.

Впервые термин «юрислингвистика» в 1976 г. в научный обиход ввел немецкий исследователь А. Подлех в одноименной статье «Rechtslinguistik» [Podlech 1976].

Юрислингвистика интегрирует в себе не только знания, сформировавшиеся на стыке интересов языка и права, но и успешно использует концепции других научных парадигм: философии, психологии, экономики, инженерии, физики и др.

Главным образом исследования современной юрислингвистики концентрируются на трех основных направлениях:

1) юрислингвистическая герменевтика, занимающаяся изучением юридического языка как инструментария законодательных актов и их толкования;

2) судебное речеведение, исследовательское внимание которого сконцентрировано на вопросах коммуникации субъектов правовых отношений, а также проблемах речевой конфликтологии;

3) лингвистическая (судебная, судебно-лингвистическая, лингвоправовая) экспертология — оценка текста с позиции наличия в его содержании элементов, подлежащих правовому регулированию.

Кроме того, в последние годы идет процесс формирования еще одного направления, которое еще 20 лет назад Н. Д. Голев обозначил как *лингвоюристика* — отрасль, рассматривающая те преломления «естественного языка (его норм и закономерностей), которые возникают при его приближении к юридической жизни и тех его преобразований, которые возникают при его „прохождении через юридическую призму“» [Голев 1999: 12]. Иными словами, речь идет о *языковой политике* или *социально-правовом регулировании языка*: проблемах функционирования государственных языков, защите и развитии этнических языковых меньшинств и т. д.

Рассмотрим три первых направления, к сегодняшнему дню уже оформившиеся в специальные области знания в рамках юрислингвистики.

1. Исследование специального юридического языка, когда язык рассматривается как средство реализации закона.

Данный подход выявляет специфику метаязыка юридического дискурса, которому, в отличие от политического языка, присущи эмоциональная нейтральность и отсутствие речевой экспрессии, терминологичность лексики. Юридический текст — особая сфера коммуникации, обезличенная внешне и имплицитно ориентированная на адресата, сохраняющая свои прагмалингвистические свойства: иллокутивные и перлокутивные функции, т. е. указания на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, предупреждения отказаться от них. Иллокутивная составляющая правового акта имеет статус юридической нормы, обязательной для исполнения.

2. Судебное речеведение изучает различные аспекты коммуникативного взаимодействия между субъектами юридических отношений — участниками дискурсивных правовых практик. В узком понимании коммуникация здесь реализуется на институциональном уровне. В широком смысле правовая коммуникация отличается тем, что в ней информационный процесс (обмен фактами, идеями, мнения и т. д.) не является главным, важнее здесь соответствие юридическим нормам. Правовая коммуникация не ограничена тематикой, социальным статусом участников, каналом общения и т. д., ибо практически любой текст может стать объектом правового контроля.

Речевой акт правовой коммуникации, как и любой другой, включает в себя говорящего, слушающего, высказывание, ситуацию, обстоятельства, цели и результат. Юридический дискурс — это совокупность высказываний о правовой действительности, главной функцией которых является установление и поддержание стабильных отношений в обществе. Это консервативная система, которая развивается, опираясь на длительные традиции, обычаи и стандартное коммуникативное поведение. Юридический дискурс «ограничивает» коммуникативные возможности его участников. Правоприменители не могут свободно толковать законодательные акты, нормы и правила общества лимитируют поведение законодателей. С другой стороны, аргументация прокурора и адвоката может в определенной степени повлиять на решение суда.

3. Судебно-лингвистическая экспертология как прикладная отрасль юрислингвистики имеет обширный перечень задач, полностью решить которые не позволяет еще не полностью сформировавшаяся теория науки, поэтому именно в эту область проникают идеи и методы других наук. Например, для решения практических задач установления признаков правонарушения в тексте, составления языкового портрета преступника лингвистическая экспертология привлекает философские концепции (например, концепция истины), наработки психологов (исследования делинквентного поведения, аффектов), а также физики и химии (проведение почерковедческой экспертизы), методологию естественно-научных дисциплин (параметризация, триангуляция) и т. д.

В рамках лингвистической экспертологии проводятся специальные исследования текста на предмет установления в его содержании признаков правонарушения. В современной следственно-процессуальной и судебной деятельности к лингвоправовому анализу текстового материала чаще всего обращаются при рассмотрении дел об оскорблении, клевете, экстремистской деятельности и т. д.

В лингвистической экспертологии текст «имеет самое широкое значение и включает различные виды семиотических кодов» (устный/письменный, монокодовый/поликодовый) [Лавицкий 2019: 307]. Однако рассматривается он всегда в конкретном контексте: «…отдельные слова и выражения *(вне учета временного, пространственного континуумов и канала связи — курсив наш)* не могут быть предметом вербальных правонарушений», ибо «отдельное слово, взятое из словаря, не отнесено к действительности — это просто слово, единица языка» [Осадчий 2007: 9].

Каждое из указанных направлений достаточно активно использует подходы, методологию, терминологические аппараты различных научных дисциплин. Так, лингвистика юридического текста включает в себя во-

просы изучения правовой грамотности языковой личности, информационных каналов правовой коммуникации, технологического инструментария поиска правовой информации и т. д.

Далее будет идти речь о терминологии: объеме и содержании некоторых важнейших терминов. Как известно, накопление информации — непрерывный процесс. Это значит, что терминология любой области науки, в нашем случае — юрислингвистики — всегда находится в динамике.

Термин — специальная лексема, выражающая понятие в определенной области знания, это языковой знак более высокого уровня абстракции, чем обычное слово или словосочетание, так как на них наслаивается новая информация, которой не было в исходных знаках. Чтобы не было смешения категорий языка и метаязыка (так как язык для языкознания — это одновременно и объект, и инструмент исследования), мы считаем, что термин — это знак второго порядка, в котором первичные словесные знаки перекодируются. Но они перекодируются также и при трансфере их в другие области науки. А. В. Суперанская называет этот процесс транстерминологизацией. Компонент *транс-* обозначает движение через какое-то пространство, пересечение его. В данном случае — это движение из одного научного пространства в другие, а полностью *трансфер* в переводе с французского означает «переносить, переводить». Проблема конвертируемости знаний возникает в связи с их взаимопроникновением и синтезом.

Трансферизация — термин, отражающий сравнительно новое для науки мировоззрение — синтезирующий, интегративный, трансдисциплинарный подход, начало которому было положено в 80-е гг. французскими историками и литературоведами М. Эспанем и М. Вернером. Сейчас данный термин получил широкое распространение в таких областях научных знаний, как теория перевода, психология, история, лингвистика, банковское дело, туризм, экономика, образовательная среда, политика, менеджмент и т. д.

Работы по проблеме трансфера появились в России недавно [Культурные трансферы: проблемы кодов 2015; Лингвистика и семиотика культурных трансферов 2016]. Понимание трансфера в них — это не простой перенос термина и знаний, здесь речь идет о циркуляции и преображении культурных ценностей в результате их интерпретации в новых областях знаний, о поиске интегральных знаний. В юридической терминологии много единиц, которые отличаются непоследовательностью, труднопроизносимостью (*довзыскание, сонаниматели, правоспособность*), являются оценочными, составными (*безвестно отсутствующий, более мягкий вид наказания и др.*). Таковы и интересующие нас термины, к которым мы попытаемся применить интегративный подход.

Одним из важных терминов, с точки зрения проблематики нашей работы, является категория юрислингвистики и теории права — *умышленность* совершения преступления. *Умысел* — одна из форм вины. Преступление признается совершенным умышленно, «если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало» [Юридический энциклопедический словарь 1987: 492]. И если в юриспруденции умысел понимается с помощью ряда других категорий — интеллектуальный, волевой умысел, через которые различают прямой и косвенный умысел, то в понимании психологическом умысел рассматривается в терминах мотивационно-потребностной сферы, то есть как «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике 2013: 285], а также с учетом наличия определенного социального опыта, позволяющего давать самооценку поступкам.

Но поскольку юрислингвистика — отрасль лингвистики, мы должны учесть лингвистические смыслы и значения лексемы *умысел*. Это признают даже сами правоведы. Так, А. С. Александров считает, что невозможно объяснить сущность права, «оставаясь на собственно юридической почве» [Александров 2003: 4]. Поэтому *право* — это еще и продукт языка, отсюда внимание к лингвистической информации.

Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой дает такое определение умысла: «Заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» [Словарь русского языка 1999: 471]. — *В голове его бродили неясные подозрения в дурных умыслах юнкера* (Л. Толстой). Здесь мы видим отрицательную коннотацию и значение ‘тайного действия’. В лексеме *умышленный* появляется еще один смысл: ‘преднамеренность’. Другие словари дают как синонимичное понятие *намеренность* с негативной семантической коннотацией (обычно со значением ‘предосудительное’ или ‘дурное’ [Толковый словарь русского языка 1940: 845; Новый словарь русского языка 2000: 1004], ‘преступное’ [Merriam-Webster’s Dictionary of Law 1996: 264]. Другие синонимы — это «умыш-

ленность — намеренность, злонамеренность, сознательность, демонстративность, злостность, преднамеренность, нарочитость, предумышленность» [Большой русский словарь-справочник синонимов…]. Указанное понимание намеренности нашло отражение в правовой трактовке термина «умысел», который определяется как «желание смоделированного в сознании субъекта конкретизированного вреда как прямой цели, служащей удовлетворению мотива, где вред есть прямой способ удовлетворения потребности» [Гавриленков 2014: 52]. Таким образом, категория умысла считается одним из основополагающих критериев определения степени тяжести и (или) вида преступного деяния.

Лексема *намерение* определяется в цитировавшемся четырехтомном словаре как «замысел, желание, предложение сделать, совершить что-либо» [Словарь русского языка 1999: 371]. Здесь отсутствует негативная коннотация, остается только значение замысла и отсутствие цели. Таким образом, словари показывают тонкое различие: если в умысле присутствует цель нанести вред, то в намеренности такая цель отсутствует; нет и негативной коннотации, так как намерение может быть и позитивным (*Вронский на балах явно ухаживал за Кити, танцевал с нею и ездил в дом, стало быть нельзя было сомневаться в серьезности его намерений* (Л. Толстой)). Намерение жениться — явно позитивное намерение. Из данных наблюдений можно сделать вывод, что лексема *намерение* имеет более широкую и диффузную семантику, чем *умышленность*; с точки зрения коннотативного значения и оценки, *намерение* колеблется от негативной оценки, что усиливается соответствующей дистрибуцией (*намерение опозорить человека*) до нейтральной (*намерение поехать*) и позитивной (*намерение отдохнуть*). Получается, что *намерение* в правовом поле ближе к понятию *неосторожности*, повлекшему преступное деяние (ст. 26 УК РФ).

Требования, предъявляемые к юридической терминологии, — это ясность, однозначность восприятия, апробированность практикой, краткость, экспрессивная нейтральность и все прочее, что обеспечивает точность применения закона. Учитывая это, в данной ситуации юридическим термином может быть лишь один — *умышленность.* Великий французский правовед и философ Ш. Монтескье писал: «Слова законов должны пробуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью» [Монтескье 1999: 193].

В современной прагмалингвистике есть еще один близкий термин — *интенция.* Прагмалингвистика исследует как проблемы интенциональности речевого поведения, так и выявляет языковые средства усиления речевого намерения. При этом прагматический анализ не может концентрироваться только на рассмотрении значения слова и высказывания: он ориентирован на дискурс, который, по словам Н. Д. Арутюновой, есть «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнов 1990: 137].

Понятия *интенциональности* и *интенции* неоднозначно определяются исследователями. Так, Дж. Серль трактует интенциональность как направленность на объекты или положения дел в мире, уточняя, что «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность» [Searl 1998: 37]. Отмечается, что интенциональность не связана напрямую с намерением, причем намерение — это лишь один из многих видов интенциональности. Сам перевод этого термина с латинского (от лат. *intentio* — стремление) означает *намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет*. Мы понимаем интенциональность как направленность речевого поведения. Данный процесс является основополагающим для построения дискурса. Интенциональность позволяет реконструировать намерения говорящего.

Как видим, понимание интенции в прагмалингвистике еще более нечетко, многозначно, пересекается с *намерением, целью, мотивом* и другими терминами, а потому его использование еще менее приемлемо в юридическом дискурсе, поскольку слово в правовой коммуникации должно иметь достаточно однозначное терминологическое определение.

Теперь посмотрим, как наполняется термин *умышленность* новыми смыслами из названных областей знаний — лексикографии и прагмалингвистики, — которые позволяют перекодировать и уточнить его при трансфере знаний из других области науки. Во-первых, умышленность включает в себя следующие смыслы: ‘заведомость’, ‘осознание’, ‘мотив’, ‘преступное деяние’. Во-вторых, семантика названных лексем содержит еще и следующее различие: если в умысле присутствует цель нанести вред, то в намеренности такая цель отсутствует; в-третьих, закон (и судья как его представитель) не может не учитывать исходных знаний носителя языка (подозреваемого), которые обеспечивают адекватное восприятие названного термина, так как интенция — универсальная,

общечеловеческая категория. В результате мы получаем подтверждение первичным наблюдениям о том, что умышленность — важное свидетельство преступления.

РЕЗЮМЕ

Политическая лингвистика довольно тесно связана с юрислингвистикой, во-первых, потому, что ядро обеих — лингвистика, независимо от той области знаний, которая представлена во второй части термина, и, во-вторых, обе они олицетворяют и обсуживают власть в обществе. Но есть и отличительные черты. Политическая лингвистика исследует механизмы того, как язык, будучи средством воздействия на сознание людей, заставляет их принять определенные политические решения; язык политики не просто передает некую информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразовывает политическую картину мира, существующую в его сознании. Юридическому языку присущи эмоциональная нейтральность и отсутствие речевой экспрессии, терминологичность лексики. Специфичными для юридического текста является обилие безличных и пассивных конструкций и т. д. Все это создает иллюзию беспристрастности, служению правде и т. д.

На сегодняшний день существует целый ряд разночтений в трактовках и смешение терминов *умысел*, *намерение*, *интенция*. Мы говорим о трансфере терминов, точнее, о статусе и значимости названных терминов в метаязыковой системе юрислингвистики. Дело в том, что интенсивный трансфер знаний между разными науками привел к пластичности терминологических единиц, которые взаимно трансформируются в своем взаимодействии (интеракции), что позволило выбрать из нескольких синонимов как предпочтительный для области права термин *умышленность*.

Таким образом, предложенный нами интегративный подход, реализованный трансфером знаний на материале важнейших понятий права, лингвистики (лексикографические источники) и прагмалингвистики, позволяет уточнить имеющиеся и получить некоторые интегральные знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. — Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990.
3. Гавриленков С. А. Умысел — социально-психологический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. 3.
4. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Т. 2. — М. : Русский язык, 2000.
6. Культурные трансферы: проблемы кодов / под ред. С. Г. Проскурина. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015.
7. Лавицкий А. А. Русскоязычный правовой дискурс : правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Вып. 17. № 3.
8. Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. — М. : Культурная революция, 2016.
9. Маслова В. А. Политический дискурс : языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистики. 2008. № 1 (24).
10. Монтескье Ш. Л. О духе законов. — М. : Мысль, 1999.
11. Осадчий М. Правовой самоконтроль оратора. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М. : Прогресс, 1993.
13. Словарь русского языка / А. П. Евгеньева (ред.). — 4-е изд., стер. Т. 4. С—Я. — М. : Русский язык, 1999.
14. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007.
15. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. — М. : Языки русской культуры, 1998. 784 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940.
17. Тришин А. Н. Большой русский словарь-справочник синонимов, квазисинонимов и вертикальных связей системы ASIS / А. Н. Тришир. — Текст : электронный // Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: https://сувары.рф/ru/content/bolshoy-slovar-spravochnik-sinonimov-russkogo-yazyka-sistemy-asis (дата обращения: 05.11.19).
18. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28 авг. 2014 г.). — Екатеринбург, 2014.
19. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
20. Юридический энциклопедический словарь / ред. А. Я. Сухарев [и др.]. — М. : Советская энциклопедия, 1987.
21. Merriam-Webster's Dictionary of Law. — Springfield, Mass. : Merriam-Webster, 1996.
22. Podlech A. Rechtslinguistik // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Band II. — München : Beck, 1976.
23. Searl J. R. Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World). — New York : Basic Books, 1998.

V. A. Maslova
Vitebsk State University, Vitebsk Branch of International University "MITSO", Vitebsk, Belarus
ORCID ID: 0000-0002-9102-4440 ☑

A. A. Lavitskiy
Vitebsk Branch of International University "MITSO", Vitebsk, Belarus
ORCID ID: 0000-0002-7856-0396 ☑

☑ ***E-mail:*** *mvavit@tut.by; anton_lavitski@mail.ru.*

Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms

ABSTRACT. *The article argues that political linguistics and legal linguistics have many features in common: they epitomize and serve power in the society and have similar pragmalinguistic properties – illocutionary and perlocutionary functions; they demonstrate problems with formation of the terminological field, etc. Political linguistics studies the mechanisms and conditions of exercising political communication; its main aim is to explore various relationships between the subjects of political activity and the political state of society, which creates the conditions for the development of optimal strategies and tactics of political activity. Legal linguistics concentrates on the three main areas: legal linguistic hermeneutics engaged in the study of legal language as a tool for creation and interpretation of laws; forensic speech studies; forensic linguistic expert studies. It is possible to explore the nature of power and the specificity and mechanisms of governance with the help of the language, if we pose the following hypothesis: a linguistic system is a subsystem of the state. Neologisms springing up in the language point to the expansion of sphere of policy: business policy, economic policy, legal policy, etc. Orientation towards integration in all contemporary sciences makes it possible to speak about transfer of terms leading to flexibility of terminological units which adjust to each other in the process of interaction. The integrative approach allows the researcher to distinguish between the closely related concepts of law, linguistics (lexicographic sources) and pragmatics – "umysel", "namerenie", "intentsiya" and to reveal the ones most commonly used in legal linguistics – "umysel", "umyshlennost'".*

KEYWORDS: *political linguistics; legal linguistics; transfer theory; political power; judicial power; intention.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Maslova Valentina Avraamovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Preschool and Primary Education, Vitebsk State University; Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Vitebsk Branch of International University "MITSO", Vitebsk, Belarus.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lavitskiy Anton Alekseevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Vitebsk Branch of International University "MITSO", Vitebsk, Belarus.*

FOR CITATION: *Maslova, V. A.* Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms / V. A. Maslova, A. A. Lavitskiy // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 189-196. — DOI 10.26170/pl19-06-24.

REFERENCES

1. Aleksandrov A. S. Introduction to Forensic Linguistics. — N. Novgorod : Nizhny Novgorod Law Academy, 2003. 419 p. [Vvedenie v sudebnuju lingvistiku. — N. Novgorod : Nizhegorodskaja pravovaja akademija, 2003. 419 s.]. — (In Rus.)
2. Arutyunova N. D. Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. — Moscow : Soviet Encyclopedia Publ., 1990. — P. 136—137. [Arutjunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. — M. : Sov. Jenciklopedija, 1990. S. 136—137]. — (In Rus.)
3. Gavrilenkov S. A. Intent — the socio-psychological aspect // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 12 (50). Part III. P. 52—55. [Gavrilenkov S.A. Umysel — social'no-psihologicheskij aspekt // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 12 (50). Ch. III. S. 52—55]. — (In Rus.)
4. Golev N. D The legal aspect of language in linguistic coverage // Jurislingistics — 1. — Barnaul : Publishing House of Altai University, 1999. P. 11—58. [Golev N.D. Juridicheskij aspekt jazyka v lingvisticheskom osveshhenii // Jurislingvistika—1. — Barnaul : Izd-vo Altajskogo universiteta, 1999. S. 11—58]. — (In Rus.)
5. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. Part 2. — Moscow : Russian language Publ., 2000. 345 p. [Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyj. T. 2. — M. : Russkij jazyk, 2000. 345 s.]. — (In Rus.)
6. Cultural transfers : code problems / ed. S.G. Proskurina. — Novosibirsk : RIC NSU Publ., 2015. 224 p. [Kul'turnye transfery : problemy kodov / pod red. S.G. Proskurin. — Novosibirsk : RIC NGU, 2015. 224 s.]. — (In Rus.)
7. Lavitski A. A. The Russian language legal discourse: offences committed verbally // Russian Studies. 2019. Issue. 17. No. 3 P. 300—314. [Lavickij A.A. Russkojazychnyj pravovoj diskurs : pravonarushenie, sovershaemoe verbal'nym sposobom // Rusistika. 2019. Vyp. 17. № 3. S. 300—314]. — (In Rus.)
8. Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies. Collective monography / resp. ed. V.V. Feshchenko. — Moscow : Cultural Revolution Publ., 2016. 500 p. [Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov : metody, principy, tehnologii. Kollektivnajamonografija / otv. red. V.V. Feshhenko. — M. : Kul'turnaja revoljucija, 2016. 500 s.]. — (In Rus.)
9. Maslova V. A. Political discourse: language games or word games? // Political Linguistics. 2008. No. 1 (24). P. 43—48. [Maslova V.A. Politicheskij diskurs : jazykovye igry ili igry v slova? // Politicheskaja lingvistiki. 2008. № 1 (24). S. 43—4.]. — (In Rus.)
10. Montesquieu C. L. About the spirit of laws. — Moscow : Thought Publ., 1999. 674 p. [O duhe zakonov. Moskva : Mysl', 1999. 674 s.]. — (In Rus.)
11. Osadchy M. Legal orator self-control. — Moscow : Alpina Business Books, 2007. 316 p. [Pravovoj samokontrol' oratora. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2007. 316 s.]. — (In Rus.)
12. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. — Moscow : Progress Publ., 1993. 656 p. [Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologi. — M. : Progress, 1993. 656 s.]. — (In Rus.)
13. Dictionary of the Russian language / A. P. Evgenieva (eds.). — 4th stereotype ed. Vol. 4. S — I. — Moscow : Russian language Publ., 1999. 702 p. [Slovar' russkogo jazyka / A.P. Evgen'eva (red.). — 4-e stereotip izd. T. 4. S—Ja. M. : Russkij jazyk, 1999. 702 s.]. — (In Rus.)
14. Stepanov Yu. S. Concepts. Thin film of civilization. — Moscow : Languages of Slavic cultures Publ., 2007. 248 p.

[Stepanov Ju.S. Koncepty. Tonkaja plenka civilizaciji. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 248 s.]. — (In Rus.)

15. Stepanov Yu. S. Language and Method: towards the modern philosophy of language. — Moscow : Languages of Russian Culture Publ., 1998. 784 p. [Stepanov Ju.S. Jazyk i Metod : k sovremennoj filosofii jazyka. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 s.]. — (In Rus.)

16. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D. N. Ushakov. — V. 4. — Moscow: State. Institute of Sov. encyclical. Publ.; OGIZ; Gos. Publishing House of Foreign and nat. words, 1940. 1040 p. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. D.N. Ushakova. — T. 4. M. : Gos. in-t «Sov. jencikl.» ; OGIZ ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1940. 1040 s.]. — (In Rus.)

17. Trishin A.N. Large Russian dictionary-reference book of synonyms, quasi-synonyms and vertical connections of the ASIS system // Large dictionary-dictionary of synonyms of the Russian language of the ASIS system. [Trishin A.N. Bol'shoj russkij slovar'-spravochnik sinonimov, kvazisinonimov i vertikal'nyh svjazej sistemy ASIS // Bol'shoj slovar'-spravochnik sinonimov russkogo jazyka sistemy ASIS]. URL: https://сувары.рф/ru/content/bolshoy-slovar-spravochnik-sinonimov-russkogo-yazyka-sistemy-asis (date of access: 05.11.19). — (In Rus.)

18. Chudinov A. P. The conceptual and terminological apparatus of political linguistics // Political Communication: Prospects for the Development of a Scientific Direction: Materials of the International scientific. conf. (Ekaterinburg, August 26—28, 2014). — Ekaterinburg, 2014. P 269—270. [Chudinov A.P. Ponjatijno-terminologicheskij apparat politicheskoj lingvistiki // Politicheskaja kommunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija : materialy Mezhdunarod. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26—28 avgusta 2014 g.). Ekaterinburg, 2014. — S. 269—270]. — (In Rus.)

19. Chudinov A.P. Modern political communication: textbook / Ural. State Pedagogical University. — Ekaterinburg, 2009. 292 p. [Chudinov A. P. Sovremennaja politicheskaja kommunikacija : ucheb. posobie. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2009. 292 s.]. — (In Rus.)

20. Legal encyclopedic dictionary / ed. A.Y. Sukharev [and others]. — Moscow : Soviet Encyclopedia Publ., 1987. 528 p. [Juridicheskij jenciklopedicheskij slovar' / red. A.Ja. Suharev [i dr.]. — M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. 528 s.]. — (In Rus.)

21. Merriam-Webster's Dictionary of Law. — Springfield, Mass : Merriam-Webster, 1996. 634 p.

22. Podlech A. Legal linguistics // Jurisprudence and neighboring sciences. Part II. — Munich : Beck, 1976.

23. Searl J.R .Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World). — N. Y. : Basic Books, 1998. 192 p.